

Д о м и н а н т ы общественного сознания в политической сфере

Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант

Галкин Александр Абрамович –
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: galkin_a.a@mail.ru

Общественное сознание, настроения и политическое поведение: российский вариант

Аннотация

Специфика политического устройства любой страны во многом определяется особенностями общества, в котором это устройство реализует свои функции. Если такая специфика не совпадает с ними, или, тем более, противостоит им, возникает ситуация подспудного, а нередко и явного конфликта, минимизирующего результативность управленческих функций и создающего предпосылки потенциальной дестабилизации политических и общественных отношений. Поэтому любые размышления, а тем более действия, направленные на совершенствование системы политических институтов, требуют ясного, адекватного представления о содержании и состоянии общественного сознания и настроений, доминирующих в социуме, тем более, что именно они и определяют стержень любого политического процесса – массовое политическое поведение, т. е. совокупность всех форм участия и неучастия граждан в осуществлении власти либо в противодействии ей и предполагающее в одних случаях включённость в различные структуры политической системы, а в других – сознательную отстранённость от них. Эта общая закономерность в полной степени относится и к России. В статье показано, что к концу 1990-х гг. эмоциональная составляющая доверия, которым располагали тогда властные структуры, определявшие судьбы страны, резко сократилась. На исходе десятилетия, особенно после дефолта 1998 г., это доверие упало до нулевой отметки. При этом недовольство сложившейся ситуацией начало определять настроения не только основной массы населения, серьёзно пострадавшей от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Возвращённая на повсеместном разрушении всего того, что составляло основу власти в прошлом, она возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как залог упрочения приобретённых политических позиций и богатства. Это, естественно, потребовало серьёзной кадровой рокировки. Именно в этом, считает автор, следует искать ключ к пониманию феномена Путина, который на первых порах казался многим загадкой. Проводимая им политика была воспринята обществом как свидетельство перехода от курса на разрушение к курсу на возрождение. Соответствующие импульсы получило и общественное сознание.

Ключевые слова: общественное сознание, настроения, политическое поведение, политическая система, стабилизация, дестабилизация, динамика развития

Специфика политического устройства любой страны во многом определяется особенностями общества, в котором это устройство реализует свои функции. Если такая специфика не совпадает с ними, или тем более противостоит им, возникает ситуация подспудного, а нередко и явного конфликта, минимизирующего результативность управленческих функций и создающего предпосылки потенциальной дестабилизации политических и общественных отношений. Поэтому любые размышления, а тем более действия, направленные на совершенствование системы политических институтов, требуют ясного, адекватного представления о содержании и состоянии общественного сознания, настроений и политического поведения, доминирующих в социуме, рассматриваемом в качестве объекта предполагаемых преобразований.

Именно эти соображения и предопределили структуру анализа российской действительности, представленного ниже.

Общественное сознание

Под массовым общественным сознанием обычно понимают совокупность ценностных подходов и реакций, сложившуюся в данном, конкретном обществе под воздействием исторического опыта и определяющую бытовое и общественное поведение людей.

Особенностью массового общественного сознания является его глубокая структурированность. Составляющие его элементы отличаются друг от друга, в частности, по давности и продолжительности сроков их происхождения и утверждения. Самые древние, будучи наиболее устойчивыми, становятся элементами того, что принято определять как национальный характер.

Вместе с тем массовое общественное сознание отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена. Однако в конечном итоге эта цельность демонстрирует свой доминирующий характер.

Принято считать, что массовое общественное сознание обладает высоким уровнем инерционности. Для этого есть достаточно оснований. Происходящие в нём сдвиги реализуются с задержкой во времени. Затем, утвердившись, они обретают, как правило, высокую степень сопротивляемости внешним воздействиям. Это, разумеется, не означает, что общественное сознание является своего рода инвариантом. Как продукт исторического опыта оно, пусть и с замедлением, но впитывает новую

Массовое общественное сознание отражает структуру самого общества. Каждая из составляющих его единиц располагает, наряду с общими характеристиками, свойственными данному социуму, своими групповыми интересами и ценностными особенностями. Иногда эти особенности столь велики, что ставят под вопрос само наличие общественного сознания как цельного феномена.

информацию, перерабатывая её в соответствии со сложившимися канонами. При определённых обстоятельствах, прежде всего глубоких общественно-политических потрясениях, оно может подвергнуться трансформации. Вместе с тем в обычных условиях это сознание активно сопротивляется любым попыткам грубого внешнего давления. Сломать его «через колено» невозможно. Чем сильнее вмешательство, тем мощнее отдача. Игнорировать – значит обречь на неудачу любые, в том числе разумные действия.

Российский вариант

Констатировав это, обратимся к рассмотрению особенностей общественного сознания в России. Разумеется, в многонациональной стране ему свойственно специфическое национально-этническое членение. Однако доминирование в стране русского этноса лишает эти различия определяющей роли.

Русский этнос – стержень российской государственности – сложился и развивался на стыке различных цивилизационных влияний: духовного наследия Византии, олицетворявшей сплав культур восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, Западной Римской империи, преимущественно в её германизованном варианте, и так называемого «поля» – культуры кочевых народов, с которыми русские княжества соседствовали веками не только воюя, но и поддерживая устойчивые добрососедские отношения, нередко скреплённые родственными связями. Свой отпечаток на формирование российской цивилизации и её общественного сознания наложило более чем двухсотлетнее пребывание множества русских княжеств в составе монголо-татарской Золотой Орды.

Общественное сознание населения формировавшейся России было дополнительно обогащено сложностью его исходной этнической базы. Она во многом обеспечила превращение таких нравственных характеристик, как добрососедство, терпимость, способность к духовному взаимообогащению в неотъемлемые черты национального характера населения.

Немалую роль в формировании особых характеристик общественного сознания сыграли суровые климатические условия и масштабы пространства, на котором расселялись племена, образовавшие впоследствии русскую нацию. Северный климат, характерный для большинства земель, ставших постоянным местом их обитания, придавал особое значение групповому поведению, служившему важным условием выживания. Отсюда особая устойчивость общинных отношений, ставших неотъемлемой чертой русского социума, и связанные с этим традиции артельности, взаимопомощи и взаимовыручки. Этим во многом объясняется общепризнанная особая устойчивость сложившихся в России общинных отношений.

В такой многонациональной стране, как Россия, общественному сознанию свойственно специфическое национально-этническое членение.

За 70 лет советской власти в традиционную основу общественного сознания вторглась совокупность левых ценностей. Вызванные этим сложные процессы исследованы недостаточно и заслуживают специального рассмотрения. Поэтому в данной связи ограничимся лишь упоминанием о тех, которые наиболее значимы для дальнейшего изложения.

Некоторые из новых ценностей, оказавшись в чём-то сходными с традиционными установками, слились с ними, придав им модернизированный облик. Так, например, представление о революционной России как ведущей и определяющей силе грядущей мировой революции во многом слилось в общественном сознании с традиционным мессианским самовосприятием её как «третьего Рима», призванного нести истину остальному миру. Установка на защиту социалистического государства от капиталистического окружения стала восприниматься как выражение исконной необходимости уберечь отечество от вражеского нашествия и т. д.

В свою очередь, те новые ценности, которые явно противоречили традиционным взглядам, стали постепенно отходить на второй план, оттесняться, а затем и изгоняться из обихода. Так, например, произошло с негативной трактовкой прошлой российской истории, с оценкой дореволюционной России как «тюрьмы народов», заменой первоначального интернационализма сначала скрытым, а затем и откровенным национализмом. Кризис советской системы, приобретшей со временем черты бюрократическо-номенклатурной диктатуры, значительно ослабил исходные коллективистские начала, присутствовавшие в общественном сознании, стимулировав отчуждение существенной части населения от социалистических ценностей и самого понятия социализм, отождествлявшегося с тем, с чем люди сталкивались в повседневной жизни.

После распада Советского Союза стало предельно очевидным, что влияние советского периода на традиционное общественное сознание было существенно меньше, чем это казалось первоначально. Тем не менее, следы этого влияния явно сохранились. Об этом убедительно свидетельствовали утвердившиеся в обществе специфические представления о предпочтительном общественном укладе:

- ориентация на высокую устойчивость сложившихся, ставших привычными условий существования;
- повышенные социальные ожидания, связанные с деятельностью государства;
- отношение к бесплатному образованию и здравоохранению, дешёвым жилью и отдыху как неотъемлемой составной части образа жизни;
- неприятие чересчур заметного разрыва в условиях существования различных групп населения.

В эпоху СССР некоторые из новых ценностей, оказавшись в чём-то сходными с традиционными установками, слились с ними, придав им модернизированный облик.

В целом, подводя итоги переменам, наметившимся в российском массовом общественном сознании за рассматриваемые годы, и, прежде всего, во второй половине XX и в начале XXI вв., можно с полным основанием подразделить их на три этапа.

Первый вызрел ещё в советское время. По мере углублявшегося отставания СССР от наиболее развитых стран Запада, ассоциируемых с капитализмом, в сознании советских граждан рос интерес к сложившейся в этих странах социальной и экономической практике. Параллельно укреплялось и позитивное отношение к действующей там общественной системе. В результате у многих сложился идеализированный образ Запада как «острова благоденствия», где царит справедливость, бесперебойно функционируют демократические механизмы, отсутствуют социальные барьеры и общедоступны высококачественные материальные блага. Утвердившееся ранее негативное отношение к капитализму начало сменяться нейтральным, а нередко и позитивным. Отсюда та эйфория, с которой были восприняты тогда большинством населения СССР идеи коренных общественных перемен, которые должны были, по мнению многих, воспроизвести в стране совокупность предполагаемых «западных эталонов». Соответственно, небывало выросло доверие к общественным силам, отстаивавшим эти идеи.

Спустя несколько лет завышенные ожидания сменились глубоким разочарованием. Главной причиной такого поворота в массовом сознании были практические следствия реформ, проведённых в 1990-е гг. в экономической и социальной сферах. Народное хозяйство новой России пришло в упадок. Миллионы людей потеряли работу. Были обесценены денежные сбережения. Значительные группы населения впали в глубокую нищету. Большой ущерб был нанесён системе бесплатного здравоохранения и образования. Распались ставшие привычными формы общественных контактов и т. д. Лавинообразное ухудшение условий существования породило моральную деградацию. Криминализация общества, обозначившаяся ещё в последние советские годы, приобрела доминирующий характер. Преступность в самых крайних её формах вышла за пределы, гарантирующие самосохранение системы.

Всё это, естественно, не могло не воздействовать на наиболее динамичные структуры общественного сознания. Тем самым обозначились конец первого и начало второго этапа.

К концу 1990-х гг. эмоциональная составляющая доверия, которым располагали тогда властные структуры, определявшие судьбы страны, резко сократилась. На исходе десятилетия, особенно после дефолта 1998 г., это доверие упало до нулевой отметки. При этом недовольство сложившейся ситуацией начало определять настроения не только основной

В целом, подводя итоги переменам, наметившимся в российском массовом общественном сознании за рассматриваемые годы, и, прежде всего, во второй половине XX и в начале XXI вв., можно с полным основанием подразделить их на три этапа.

массы населения, серьёзно пострадавшей от трансформационных процессов, но и влиятельной части выигравшей от них властвующей элиты. Взращённая на повсеместном разрушении всего того, что составляло основу власти в прошлом, она возжаждала стабильности, которую стала рассматривать как залог упрочения приобретённых политических позиций и богатства. Это, естественно, потребовало серьёзной кадровой рокировки.

Именно в этом следует искать ключ к пониманию феномена Путина, который на первых порах казался многим загадкой. Проводимая им политика была воспринята обществом как свидетельство перехода от курса на разрушение к курсу на возрождение. Соответствующие импульсы получило и общественное сознание.

Отношение к власти, утвердившееся в эти годы, оставалось двояким. С одной стороны, многие признавали, что ей, в конечном итоге, удалось положить конец анархии в политической сфере, затормозить развал народного хозяйства, обеспечить минимальную стабильность, приступить к восстановлению подорванных международных позиций государства. С другой – нельзя было не считаться с тем, что политическая плата за всё это чрезмерно высока. Для подкрепления проводимого курса была создана жёсткая бюрократическая вертикаль, которая вскоре отчётливо продемонстрировала имманентно присущие ей негативные качества – слабую эффективность и высокую склонность к незаконной наживе. Оппозиционные силы оказались оттеснены на политическую периферию посредством манипуляций, именуемых «административным ресурсом». Элементы авторитаризма, заложенные в систему ещё в 1990-е гг., стали проявляться с нарастающей силой. В обстановке, когда под влиянием обстоятельств репутация влиятельных в прошлом идеологий социализма и либерализма подувяла, в стране возник идеологический вакуум и, тем самым, распахнулись все двери для консервативного ренессанса. Соответственно, на общественной и политической сценах появилось немало «доброхотов».

Спекулируя на этих настроениях, власть провозгласила себя консервативной. Повсеместно началось административно стимулированное насаждение соответствующих постулатов. Страну как бы развернуло лицом назад, в прошлое – то ли к XVII, то ли к XVI веку.

Время, естественно, внесло в воспроизведённую выше картину некоторые коррективы. Поостыли многие раздутые страсти, предубеждения и обиды. Не столь безоговорочно враждебным стало отношение к временам Советского Союза. В них всё чаще стали находить не только негативные, но и позитивные элементы. Многие отрицательные стороны эпохи 1990-х гг. потеряли былую актуальность. Тем болезненней

начали восприниматься обществом изъяны новых властных институтов: их низкая компетентность, всевластие бюрократии, nepотизм, коррупция, подковёрная борьба клик и множество других не очень позитивных качеств.

Одновременно начало всё заметнее обостряться негативное восприятие общественным сознанием социально критического разрыва в уровнях жизни общественных «верхов» и «низов». Программа экономического восстановления страны оставалась ориентированной на интересы разбогатевшей части граждан. Продолжались разворовывание направляемых в экономику средств, демонстративный уход наиболее имущей части населения от налогообложения и массовый отток капиталов за рубеж. Всё это, естественно, не могло не сказаться на структуре общественных взглядов, на которые в значительной степени стали влиять следующие установки:

- уверенность в том, что сложившаяся в стране политическая система отражает интересы лишь богатой части общества, игнорируя потребности и запросы менее зажиточного большинства, а любые исходящие от неё импульсы несут этому большинству главным образом потери;

- твёрдое убеждение, что крупная собственность, появившаяся в стране в 90-е гг. прошлого века (и попавшая прежде всего в руки так называемых олигархов), – результат махинаций, нанёсших неисчислимый урон обществу и государству;

- опасение, что в сложившихся условиях в стране вряд ли будет создана (или хотя бы частично восстановлена) такая система социальных амортизаторов, которая гарантирует каждому члену общества в качестве компенсации за его позитивный трудовой вклад в общее дело приемлемые условия существования;

- устойчивое представление, что шансы простого гражданина на вертикальную социальную мобильность, несмотря на все его усилия, при нынешних обстоятельствах минимальны и речь может идти лишь о выживании;

- вера в то, что в обществе, в фундаменте которого лежит совокупность правонарушений, право не может считаться регулятором взаимоотношений между гражданами и поэтому с ним можно не считаться.

Черту под вторым этапом подвели сначала мировой финансово-экономический кризис 2008–9 гг., а затем всплеск массовых протестов в Москве в 2011–12 гг. Первый развеял иллюзорные надежды на скорое экономическое процветание, второй убедительно продемонстрировал невозможность в дальнейшем управлять выросшим и повзрослевшим российским обществом, используя прежние методы.

Ко всему этому добавился раскол, наметившийся в правящей верхушке. В его основе лежал не только конфликт амбиций, но и различия в представлениях о способах преодоления накопившихся препон и ловушек. Одни выступали за продолжение жёсткого курса, другие – за большую гибкость.

Несмотря на то, что протестные вступления этих лет не смогли сформулировать программу действий, способную привести в движение основную массу населения страны, а сумели опереться лишь на не очень значительную часть столичного населения, властные верхи не могли не считаться с тем, что ситуация требует очередного политического манёвра. И он состоялся, но на этот раз без коренной смены кадрового гарнитура.

Внешние контуры реализации этого манёвра хорошо известны. Его результаты тоже: скромная политическая реформа, предполагавшая отказ от наиболее одиозных новаций прежних лет; создание резервной политической силы на случай провала властвующей ныне; демонстративно подчеркнутый отказ от жёсткого урезания ассигнований на социальные нужды.

Есть ли основания рассматривать произошедшее как наступление нового, третьего этапа? Для окончательного ответа на этот вопрос оснований пока мало. Однако определённые признаки его вызревания налицо.

Несмотря на мизерность политических и социальных новшеств, они помогли, пусть на время, но стабилизировать обстановку, исключив возможность трагических событий, подобных тем, которые потрясли соседнюю Украину. Значимую роль в упрочении такой стабилизации сыграли осуществлённые в это время внешнеполитические акции, существенно ослабившие чувство национального унижения в связи с распадом Советского Союза и последовавшим за ним пренебрежительным отношением западных держав к новой России как к потерпевшему поражение, не очень значительному государству. Немалую роль в накоплении стабилизационных тенденций сыграло также то, что проводимой ныне политике пока не предложена сколько-нибудь убедительная альтернатива. Да и силы (как и лидеры), претендующие на реализацию такой альтернативы, невольно вызывают в памяти персонажей театра кукол.

Однако преувеличивать нынешний уровень стабильности было бы неверным. Кризисные удары по экономике, зафиксированные к началу 2015 года и во многом спровоцированные внешними процессами, обусловленное ими падение жизненного уровня населения не могли не сказаться на структуре общественного сознания. Остались многие непростые проблемы, детальнее рассмотренные ниже. Несмотря на небывало высокий рейтинг личности президента, в стране начало нарастать повсеместное глухое недовольство.

Общественные настроения

Выше в центре размышлений находилось общественное сознание как важнейший исходный посыл любого политического процесса. Нисколько не умаляя значимости этого феномена, следует учитывать, что он представляет собой своего рода теоретическую конструкцию, основанную на осмыслении и обобщении закономерностей становления и исторического развития совокупности взглядов и ценностей – групповых и межличностных. Непосредственно же при анализе политических реалий мы имеем дело с *общественными настроениями*, составляющими тончайший поверхностный слой этого сознания. Они отражают его структуру, но не абсолютно и не прямо, а опосредованно, поскольку в высшей степени подвержены конъюнктурным воздействиям и быстро меняются, следуя переменам в объективной обстановке. Одним из наиболее доступных и распространённых способов фиксации этих настроений выступают опросы общественного мнения как их вербальные проявления.

Напрашивающееся деление общественных настроений в отношении власти и её структур на позитивные и негативные является первичным и, стало быть, необходимым, но далеко не исчерпывающим. Это определяется тем, что они тоже представляют собой сложную совокупность. Их внутреннее членение (а нередко и дробность) обусловлены как исходной неоднозначностью самого объекта, так и интенсивностью воздействия на него внешних процессов.

К числу аксиоматичных причин дробности позитивного и негативного отношения граждан к власти, к её структурам и действующим в них политическим силам относятся, как и в общественном сознании в целом, усложняющаяся структура общества, несовершенство механизмов власти, экономические потрясения и нарастающий разрыв между общественным сознанием и стремительными переменами в условиях существования. Остановимся – пусть бегло – на этих причинах.

Выше уже упоминалось о неполной идентичности общественного сознания и общественных настроений. Но особенно очевидным размежевание между ними становится при быстрых переменам. В ходе этих перемен значительно повышаются присущая общественным отношениям нервозность, удельный вес негативных ориентаций, степень отторжения новаций, идеологическая ностальгия. Важную роль в стимулировании таких явлений играют резкие изменения в структуре производства (а, следовательно, в социальной структуре), протекающие в болезненной форме.

Перемены, происходящие последнее время в структуре развитых обществ, кардинально отличаются от тех, которые интенсивно реализовывались на протяжении прошлого столе-

тия. Тогда они были связаны с возникновением ряда новых крупных социальных общностей, чьё появление заметно влияло на сложившуюся совокупность интересов массовых категорий граждан, меняя доминирующую духовную атмосферу. Сегодня прежние крупные социальные общности (обычно именуемые классами) всё очевиднее распадаются на автономные группы со своими специфическими интересами. Это создаёт новые конфликты и новые потребности, что явно отражается на динамике общественных настроений.

Наиболее остро эти перемены сказываются на настроениях подрастающих поколений. Заметные различия между возрастными группами увеличиваются, поскольку определяются не только биологическими причинами, но и расхождениями в характеристиках и типах первичной социализации, а также в условиях существования.

В России указанные процессы протекают особенно выпукло. Этому явно способствуют некоторые дополнительные обстоятельства. Во-первых, крайне болезненный уровень социальной и материальной дифференциации, разводящий социальные группы. Во-вторых, пережитые населением за короткий срок потрясения, в результате которых различные возрастные категории подвергались разнонаправленным воздействиям плохо совместимых моделей социализации. В итоге дробность ценностных ориентаций и, соответственно, общественных настроений в России сегодня ощутимо выше, чем в странах с аналогичным или более высоким уровнем общественного развития.

Негативную роль при этом сыграли изъяны политической системы. Сложившиеся в России властные институты, важнейшей задачей которых должно было бы стать снижение исторически обусловленного отчуждения значительной части общества, многие годы не только не занимались его ослаблением, но нередко действовали в противоположном направлении. Причём главная причина этого заключалась не столько в личных качествах тех или иных руководителей, сколько в пороках модели управления страной.

Чтобы привести к желаемым позитивным результатам, политическая воля высшего руководства должна опираться на более или менее чёткие представления о конечной цели. Общеизвестно, однако, что таких представлений у руководства нет и поныне. Известно также, что рациональная политика обязательно должна покоиться на знании исходной ситуации и адекватном представлении о возможных последствиях управленческих акций. Но подобного рода знание (и тем более предвидение) требует наличия неискажённой обратной связи между верхами и низами. Понимание этого вроде бы есть. Тем не менее, страна многие годы не располагала и всё ещё не располагает ничем, напоминающим таковую. По сей день не преодо-

Сегодня прежние крупные социальные общности (обычно именуемые классами) всё очевиднее распадаются на автономные группы со своими специфическими интересами. Это создаёт новые конфликты и новые потребности, что явно отражается на динамике общественных настроений. В России указанные процессы протекают особенно выпукло.

лена ориентация на поддакивание лицам, занимающим более высокие позиции в иерархической структуре. Отрицательные последствия этого усугубляет урезанный контроль общества над действиями власти.

Неприемлемо низка эффективность управленческих механизмов – важнейшего структурного элемента любой политической системы. Принимаемые властью решения должны безоговорочно выполняться. Это своего рода аксиома. Без этого политический процесс превращается в говорильню, либо приобретает хаотический, неуправляемый характер. У нас на протяжении ряда лет наблюдалось и то, и другое. А все попытки «навести порядок», как правило, заканчивались ничем.

И дело опять же не только в том, что кто-то чего-то не умеет. Дело в линейной властной вертикали. Любая чрезмерно централизованная система, замкнутая на одного руководителя или небольшую группу лидеров, неизбежно приобретает все изъяны, которые характерны для сугубо авторитарных режимов и сводят на нет преимущества строго иерархизированной модели управления. Попытки исправить положение предпринимаются, но существенных результатов от них ждать не приходится. Наша политическая система нуждается не в косметическом, а в капитальном ремонте. В противном случае наращивание в стране протестного потенциала станет необратимым.

Негативно сказываются на общественных настроениях и нынешние тенденции экономического развития в стране. Стабильная, а тем более устойчиво развивающаяся экономика создаёт объективные условия для ослабления протестных настроений и действий путём расширения масштабов перераспределения общественного продукта. Значимость данного обстоятельства получила подтверждение в ходе длительного развития во всём мире.

На продолжении ряда лет нового столетия соответствующие условия складывались и в России. Это в какой-то степени избавляло власть имущих от динамики угрожающих протестных настроений и действий. Однако, судя по всему, нынешняя экономическая ситуация объективно минимизирует эту возможность. Тем самым исчезает важный рычаг, до сих пор позволявший поддерживать относительную социальную и политическую стабильность. Параллельно возникает соблазн сэкономить убывающие ресурсы за счёт сокращения жизненно важных социальных ассигнований. Пока власти ему, вроде бы, не поддаются. Но хватит ли у них сил, чтобы окончательно не выпустить из рук контроль над ситуацией?

Структуру настроений, утвердившихся в обществе, невозможно в должной мере оценить, не учитывая и воздействия на неё современных достижений науки и техники, существенно повышающих эффект восприятия публикой «должной

Любая чрезмерно централизованная система, замкнутая на одного руководителя, неизбежно приобретает все изъяны, которые характерны для сугубо авторитарных режимов и сводят на нет преимущества строго иерархизированной модели управления. Попытки исправить положение предпринимаются, но существенных результатов ждать не приходится.

информации». Особенно велика в этом плане роль интернета, уже утвердившегося в качестве одного из самых распространённых каналов массовых коммуникаций.

Обобщая и, тем самым, неизбежно упрощая структуру настроений, доминирующих в российском обществе, есть все основания констатировать следующее. Разумеется, в нём, как и во многих других обществах, наличествует категория граждан, удовлетворённых своим положением и полностью отождествляющих себя со сложившейся системой власти. Вместе с тем в стране продолжают доминировать настроения, которые можно определить как набор неоднозначных уровней недовольства. В то же время их корреляция с политическими предпочтениями просматривается крайне слабо.

В основе недовольства лежат неоднозначные причины. Для одних это ошибочные принципы, заложенные в основу сложившейся общественной системы. Для других – просчёты конкретной политики, как внутренней, так и внешней. Для третьих – конкретные дефекты управляющей системы, прежде всего административных институтов. Для четвёртых – неистребимость таких общественных язв, как воровство и коррупция. Массовое недовольство порождают разнообразные житейские неурядицы, обычно игнорируемые властью.

Формы, которые приобретает недовольство, различны. В одних случаях оно способствует оживлению ксенофобских предрассудков, дополнительно питаемых, как и во многих странах Запада, массовым притоком иммигрантов. В других оно находит выражение в устойчивой враждебности российской «глубинки» к столичным мегаполисам и прежде всего к Москве. Почву для этой враждебности образует, с одной стороны, разрыв в условиях существования провинциального и столичного населения, а, с другой – усиление унитарных настроений в федеральных структурах власти, нашедшее проявление в стремлениях урезать права и компетенции субъектов Федерации. Нарастание этого недовольства реализуется в одних случаях в виде демонстративного отстранения от политики, в других – в виде тоски по прошлому, в третьих – в готовности поддержать установление «сильной власти», ассоциируемой с «признанным лидером».

Способствовали (и способствуют) такому нарастанию многочисленные просчёты политической власти. Несогласие большинства общества с теми или иными решениями и действиями властвующей элиты не снималось в результате гибких акций, а неоднократно загонялось вглубь. Минимизировались возможности позитивной сублимации латентных политических установок.

Немалую роль сыграло в данной связи и то, что нынешнее российское общество в ценностном отношении (как и в ряде других вопросов) глубоко сегментировано. Среди характерных

для него антиномий: модернизация – фундаментализм; западничество – почвенничество; элитарность – социальность; авторитаризм – демократия. Существуют также дополнительные «оси размежевания», отражающие разорванность мотивационных установок значительной части населения.

Считается общепризнанным, что недовольство, утвердившееся в российском обществе, проявляется, по преимуществу, в пассивной форме. Совокупность причин этого требует ещё дополнительного изучения. Предварительно можно указать лишь на некоторые.

Первая связана с утвердившейся неприемлемостью для большинства российских граждан любого рода насильственных действий, которые могли бы вызвать распад властных структур, анархию, вооружённое противостояние социальных и национальных групп. Исторический опыт, зафиксированный в общественном сознании, породил у населения России стойкое убеждение, что такие действия не принесут с собой решения назревших проблем, но лишь ухудшат условия существования. Поэтому до тех пор, пока власти не перешли границы, за которыми терпеть физически невозможно, основная масса граждан – вне зависимости от их отношения к правящим политическим силам – не выйдет за конституционное поле.

Вторая обусловлена специфической формой отчуждения между верхами и низами. В сознании большинства российских граждан укоренилось убеждение, что верхи ни при каких обстоятельствах не будут считаться с интересами населения; поэтому любые усилия не в состоянии дать позитивных результатов.

Исходя из внешних показателей, отношение большинства российских граждан к политическим институтам и режиму в целом можно было бы определить как отчуждённо-пассивное. Однако такая безоговорочная оценка представляется неверной. В обществе накопился потенциал не только социального недовольства, но и скрытой гражданской активности, который на протяжении ряда лет не получал адекватного выхода. Поэтому политическая и гражданская отстранённость, о которой до сих пор так много пишут, представляет собой неустойчивое явление. Небольшие колебания социально-экономической или политической ситуации могут быстро преобразить эту отстранённость в самый острый активизм.

Следует также учитывать, что последствия вызванного недовольством недоверия к власти обычно неоднозначны. Само по себе оно не рождает общественной активности. Первоначально наступает индивидуальное отчуждение от политики. Потом углубляется социальное раздражение, сопровождаемое нарастанием уныния, предчувствия близящейся катастрофы. Отсюда тенденция к уходу от реальности:

Нарастание недовольства реализуется в одних случаях в виде демонстративного отстранения от политики, в других – в виде тоски по прошлому, в-третьих – в готовности поддержать установление «сильной власти», ассоциируемой с «признанным лидером».

Недовольство, утвердившееся в российском обществе, проявляется, по преимуществу, в пассивной форме. Сейчас можно указать лишь некоторые причины этого.

массовое пьянство, наркомания и т. д. При этом, как уже упоминалось, нередко происходит замещение объекта недовольства. Социальное раздражение сублимируется в повышенную агрессивность, направленную не столько на истинные причины недостатков, сколько на искусственно сконструированный образ «врага».

Чтобы эскалация общественного недовольства вылилась в более или менее осознанные проявления общественного протеста, необходимы не только высокий уровень общей социальной напряжённости, но и глубокая личностная идентификация большого количества людей со своими социальными общностями.

Пока, судя по всему, накопившееся недовольство ещё не приблизилось к критическому уровню. Отсутствует и чётко выраженная идентификационная кристаллизация общества. До сих пор такое недовольство и даже напряжённость обычно сохраняют локальный характер, тем более что материальные лишения и подавленность житейскими заботами порождают усталость, отвлекают духовные и физические силы на адаптацию к нелёгкой экономической ситуации. И, тем не менее, опасная дестабилизация общественного порядка остаётся в пределах возможного.

Можно ли рассчитывать, что властным структурам удастся убедить граждан страны в реальности возникновения в сравнительно небольшие сроки если не идеального, то по меньшей мере более или менее благополучного общества, и поднять их на активное участие в его созидании? Разумеется, полностью отрицать такую возможность нельзя. Истории известно множество самых различных неожиданных поворотов. Быть может, нынешней власти удастся, несмотря на множество разнообразных барьеров, повернуть штурвал в направлении, которое откроет дополнительный кредит доверия, и он будет не ситуационным, а длительным и устойчивым. Для этого, однако, это направление должно быть не только правильно выбрано, но и подкреплено делами.

Общественным доверием власть сумеет заручиться лишь в том случае, если гражданам будет представлено убедительное свидетельство её готовности, решительно порвав с проводимым ранее курсом, качественно модифицировать вектор политики. Таким свидетельством обычно служат институциональные изменения, открывающие большие, чем прежде, возможности влияния общества на политические решения, и достаточно радикальные кадровые перемены, предполагающие выдвижение на решающие государственные позиции лиц, обладающих безусловным общественным авторитетом.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство искренней заботы о благе рядовых граждан. Население проявит готов-

ность взвалить на себя тяготы, неизбежные при достаточно решительном повороте, только в том случае, если убедится, что этот поворот всерьёз и надолго.

Политическое поведение

Общепризнано, что настроения в конечном счёте определяют стержень любого политического процесса – *массовое политическое поведение*, совокупность всех форм участия и неучастия граждан в осуществлении власти либо в противодействии ей, предполагающая в одних случаях включённость в различные структуры политической системы, а в других – сознательную отстранённость от них, в том числе участие в деятельности неформальных организаций и в массовых движениях, а также публичную манифестацию своих взглядов и требований с целью повлиять на общественное мнение и позиции правящих.

Политическое поведение как форма выражения отношения граждан к власти и её институтам появилось на свет вместе с государством и эволюционировало параллельно его развитию. Первоначально выкристаллизовались два основных вида такого поведения: подчинение и бунт. Затем первое было трансформировано приобщением к власти сначала узкого, но со временем расширившегося круга влиятельных членов общества. В свою очередь, второй приобрёл дифференцированный характер благодаря появлению более гибких способов демонстрации недовольства.

Сегодня мы, естественно, имеем дело с иными, преобразёнными типами политического поведения. Подчинение власти (политическим институтам), не потеряв до конца силового начала, зиждется главным образом пусть на не всегда полном, но доверии (или хотя бы терпимом отношении) к ней. Круг приобщённых к власти расширился (во всяком случае формально и в наиболее развитых странах) до масштабов всего взрослого населения. Появились многочисленные новые каналы выражения политического недовольства. Тем не менее, некоторые рудименты первоначального политического поведения прослеживаются и ныне.

Анализируя рассматриваемый феномен в том виде, в каком он сложился сегодня, следует, судя по изложенному выше, обратить внимание как на специфику воздействия на него общественных настроений, так и на многообразную динамику самого политического поведения. Немалую роль в преобразовании настроений в политическое поведение играет уровень (градус) напряжённости во взаимоотношениях власти и общества. Низкая напряжённость минимизирует переход доминирующих общественных настроений, вне зависимости от их типа, в поведенческие акции, а высокая стимулирует этот процесс.

Особенно необходим комплекс конкретных мер, которые были бы восприняты населением как свидетельство искренней заботы о благе рядовых граждан. Население проявит готовность взвалить на себя тяготы, неизбежные при достаточно решительном повороте, только в том случае, если убедится, что этот поворот всерьёз и надолго.

Первостепенное значение имеет также наличие в обществе сплочённого авангарда, являющегося выразителем общественных настроений. Формирование такого авангарда и его деятельного ядра – залог высокой политической активности, как позитивной, так и негативной. И наоборот: отсутствие сплочённого авангарда с деятельным ядром делает общество политически пассивным, какими бы ни были содержание утвердившихся в нём настроений и степень их обоснованности.

Существенным фактором, обуславливающим неполное совпадение общественных настроений и политического поведения, является феномен, обозначаемый в психологии как ограниченная рациональность. Массовые настроения при всех присущих им общих закономерностях в конечном счёте представляют собой своеобразную сумму индивидуальных настроений. А они формируются под влиянием не только объективных интересов и устремлений, но и множества внешних, иногда случайных, а иногда, напротив, целенаправленных воздействий. Отсюда – весьма распространённый индивидуальный иррационализм, который нередко сказывается на поведении целых общественных страт, делая их рационализм неполным, а то и выхолащивая его сущность.

Наиболее естественной для России формой превращения общественного недовольства властью в поведенческую практику всегда было отчуждение. Оно наличествовало даже тогда, когда властные структуры воспринимались как более или менее легитимные и располагали значительным уровнем общественного доверия (политическим капиталом). Тем более велико такое отчуждение в условиях, когда у большинства населения страны есть достаточно оснований быть недовольными решениями, принимаемыми властью.

Специфической формой взаимоотношений между обществом и политическими институтами в условиях отчуждения является психологическое и практическое отторжение исходящих от них импульсов, представляющее собой развитие характерного для России неправового поведения. Поступающие сверху юридические и управленческие решения не воспринимаются и не выполняются ни отдельными гражданами, ни общественными институтами. Иногда этот феномен является результатом сознательного саботажа местной бюрократии. Однако чаще всего он воспроизводит утвердившиеся в обществе формы поведения.

Главной легитимной формой политического поведения по сей день слывёт электоральный процесс. Для этого есть немало оснований. Многие миллионы людей в самых разных странах воспринимают этот процесс как нормальный способ приобщения к принятию политических решений. К тому же ему до сих пор не найдено сколько-нибудь приемлемой альтернативы.

В исследовательском плане электоральный процесс как форма политического поведения рассмотрен и проанализирован достаточно детально. Соответственно, выявлены и его механизмы. Тем не менее, следуя логике изложения, нелишне ещё раз на них остановиться.

Обычно при анализе действия этих механизмов вычленяют четыре группы факторов: *социологические* (обусловленные набором социальных и демографических характеристик – социальным и профессиональным статусом, образовательным уровнем, местом проживания, возрастом, полом и т. д.), *ситуационные* (отражающие реакцию избирателей на конкретную обстановку, в которой оказалось общество, что, в свою очередь, неразрывно связано с предварительно сложившимися политическими ориентациями как самого индивида, так и наиболее авторитетных для него референтных групп), *манипулятивные* (представляющие собой следствие обработки индивида и его непосредственного окружения с помощью избирательных технологий) и *индивидуально-психологические* (являющиеся производными от устойчиво-характерологических черт индивидуальной психики). Очевидно, что в исследовательской работе данное членение может быть результативно использовано лишь в том случае, если будет в полной мере учтена сложность и противоречивость влияния перечисленных факторов в разных обществах и при разных условиях.

Удельный вес и значимость этих факторов существенно варьируются. Действие социологической группы особенно ощутимо в тех случаях, когда общество должным образом структурировано, а составляющие его слои в полной мере осознают свои групповые интересы. Ситуационные факторы играют наиболее заметную роль в обществах с не полностью устоявшимся политическим поведением, когда чисто внешние, часто второстепенные обстоятельства могут внезапно изменить электоральный выбор. Эффективность мероприятий манипулятивного толка в решающей степени зависит от опыта, накопленного населением, степени его доверия к инструментам манипулирования, изощрённости стратегии и тактики использующих эти инструменты политических сил и других обстоятельств.

Индивидуально-психологические параметры поведения изучены пока недостаточно, вследствие чего их воздействие нередко порождает не совсем те (или совсем не те) реакции, на которые рассчитывал манипулятор.

В содержательном плане электоральное политическое поведение, естественно, многообразно и различается не только по объекту выбора, но и по характеру эмоционального отношения к самому этому акту, который может рассматриваться и как возможность реализовать индивидуальные политические установки, и как выполнение гражданского долга, и как некий традиционный ритуал.

Существуют также формы электорального поведения, придающие ему принципиально иной политический смысл. Наиболее распространённая из них – протестное голосование. Его отличие от обычного электорального акта заключается в том, что участие в избирательном процессе в этом случае воспринимается исключительно как способ выразить резко негативное отношение к тому, что происходит в данный момент в обществе. В ситуациях, когда подобный подход приобретает форму выбора, последний носит случайный характер, и избирательный бюллетень обычно подаётся за ту политическую силу или деятеля, которые в глазах избирателя в наибольшей степени ассоциируются с неприятием происходящего. Формой индивидуального протестного электорального поведения является также неучастие в избирательном процессе.

Отдавая должное научному багажу, накопленному в результате изучения электорального процесса, нельзя вместе с тем не констатировать, что в нём не в полной мере учтены особенности нынешнего электорального поведения, не говоря уже о политическом поведении в целом. Это обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, все применявшиеся подходы и выводы были ориентированы на идеальную модель. Но такая модель если и встречается, то очень редко. Её реальные воплощения изначально страдали от множества «родимых пятен». Не случайно по ходу дела они не раз подвергались корректировке. Во-вторых, глубокие изменения во всех сферах жизни, произошедшие за истёкшие столетия и, особенно в конце XX – начале XXI вв., поставили принятую модель исследования перед вызовами, исчерпывающие ответы на которые до сих пор не найдены.

Остановимся на этом подробнее. Практика показала, что электоральный процесс ввиду его высокой организационной сложности, значимости, конфликта интересов и сопутствующего эмоционального накала плохо защищён от сознательных искажений. Способы, используемые в этих целях, многообразны. Иногда искажения приобретают такие масштабы, что лишают участие в выборах какого бы то ни было смысла. Но, даже выведя эту специфическую сторону проблемы за скобки, сложившейся электоральной системе можно предъявить целый список претензий. Напомним о некоторых, наиболее очевидных.

1. Выборы в органы законодательной власти, в том числе в те, что принимают политические решения государственного значения, обычно происходят раз в 4–5 лет. Таким образом, одноразовый политический акт автоматически превращается в передачу небольшой группе, как правило, не очень известных обществу лиц права на протяжении длительного срока, по сути, бесконтрольно распоряжаться судьбами миллионов доверившихся им граждан. Это особенно остро ощущается сейчас,

когда быстротекущее время наполнено событиями практически до предела, а экономическая и социальная политика порождает постоянное массовое недовольство.

2. В ходе длительного исторического развития функции государства существенно расширились, распространившись на всю совокупность не только политических, но и экономических, социальных и культурных процессов. Соответственно, неимоверно вырос набор проблем, подлежащих решению на общегосударственном уровне. Но нынешние высшие законодательные органы, будучи чисто политическими структурами, на это не рассчитаны. Отсюда – падение качества решений, принимаемых по «непрофильным» (неполитическим) вопросам.

3. Во многих случаях электоральный процесс, в том числе на общегосударственном уровне, стал приобретать характер рыночного акта, в рамках которого ориентированные на политическую карьеру представители элиты, конкурируя друг с другом, предлагают широкой публике (избирателям) свой товар – набор всевозможных обещаний. Соответственно, сам процесс голосования начал трактоваться как покупка избирателями совокупности политических услуг.

При этом всячески маскируется немаловажное различие между обычным актом купли-продажи и политическим процессом. На обычном рынке продаётся главным образом реальный товар, который можно оценить, опробовать или хотя бы пощупать. Кроме того, в государствах с нормальной хозяйственной системой, как правило, действуют контрольные структуры, призванные обеспечивать законность протекания товарообмена и не допускать обмана потребителей в ходе рыночной купли-продажи. А при электоральном процессе, низведённом до уровня базара, «продавцу политических услуг» ничего не стоит без особого труда получить дивиденды, подсунув покупателю-избирателю откровенную пустышку.

Немалую роль в данном случае играет и следующее психологическое явление. Продав свой «товар» (обещание), политический избранник, следуя логике рыночных отношений, нередко чувствует себя не доверенным лицом, представляющим интересы тех, кто отдал за него голос, но владельцем приобретённой синекуры, свободным от каких бы то ни было обязательств.

4. Длительный опыт «общения» политических элит с избирательным процессом постепенно превратил его в объект своеобразной «науки» манипулирования электоральным политическим поведением (чёрных технологий). По мере совершенствования технических средств воздействия на настроения и поведение граждан эффективность этой «науки», немалая уже в самом начале, непрерывно возрастала, достигнув к на-

стоящему времени такого уровня, что действительно свободное волеизъявление на выборах уже нередко воспринимается не как правило, а скорее как исключение. Более того, активное участие в электоральном процессе сейчас требует настолько высоких материальных затрат, что его могут позволить себе лишь очень богатые люди – либо те, кого не без корысти спонсируют финансово мощные структуры и их владельцы.

Учитывая это, не приходится удивляться тому, что вопрос о кардинальном совершенствовании системы, призванном обеспечить должное представительство интересов общества при осуществлении властных функций, занимает заметное место в научных дискуссиях. Что можно тут сделать – предмет особого разговора.

Естественная реакция населения на негативный электоральный опыт – разочарование. Его масштабы в разных регионах и странах различны. Это определяется рядом обстоятельств: уровнем укоренённости конкретной электоральной системы, степенью стабильности (нестабильности) соответствующего общественного организма, градусом напряжённости между институтами власти и обществом, наличием или отсутствием блокирующих массовое недовольство материальных прокладок и множеством других факторов. Тем не менее, рост неудовлетворённости рассмотренной выше моделью как общая, нарастающая тенденция очевиден.

Проявляется она в разных формах. Наиболее непосредственная из них – осознанное отчуждение от избирательного процесса, прежде всего абсентеизм, о котором уже упоминалось выше.

Другим сравнительно распространённым проявлением прогрессирующего отчуждения от традиционного электорального процесса выступает позиция граждан, не вставших на путь абсентеизма, но, тем не менее, сделавших для себя вывод, что участие в избирательных процедурах вряд ли будет способствовать общественным сдвигам, объективная необходимость которых очевидна. Сублимация этой позиции в поведение реализуется в нескольких вариантах. Первый – равнодушное следование принятым в обществе политическим процедурам при отсутствии сколько-нибудь значимого интереса к тому, что происходит в этой сфере. Нередко такую позицию характеризуют как пассивную, конформистскую, свидетельствующую об ущербности и пробелах в социализации тех, кто её занимает. Но это справедливо лишь по отношению к части рассматриваемой категории граждан. Многие из них весьма активны во всех других сферах жизни, в том числе общественной. Просто по ряду вполне реальных причин им неинтересны процессы, в которых они не видят особого смысла. Иными словами, им свойственна ситуационная политическая индифферентность.

Второе распространённое следствие этой формы отчуждения от электорального процесса – амбивалентность (многовекторность) политического поведения. В её основе лежит представление, что электоральный процесс может дать приемлемые результаты лишь в том случае, если будет скорректирован и дополнен неэлекторальными формами политических действий. Затормозить этот подход может лишь существенная трансформация официальных политических институтов, повышение их открытости по отношению к обществу, наращивание способности учитывать его интересы и потребности и, конечно, решительное избавление действующей электоральной системы от присущих ей изъянов, в том числе тех, о которых говорилось выше.

Пока этого не произошло, значение для общества неэлекторальной политической активности может оцениваться двояко. Бесспорно, что она полезна, ибо создаёт эффективный противовес бюрократическому окостенению властных структур, способствует решению назревших экономических, социальных и иных общественных проблем, снижает уровень напряжённости в отношениях между властью и населением. Несоблюдение этого условия в свою очередь чревато возникновением конфликтов, выводящих стороны за пределы легального поля. А это, как свидетельствует опыт, крайне опасно.

Public Consciousness, Mood, and Political Behavior: Russian Version

Galkin Alexander Abramovich

Doctor of historical sciences, senior researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: galkin_a.a@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of complex and contradictory processes that occur in the mind, mood and political behavior of citizens of the relatively developed countries of the European area, including Russia. The authors' observations do not so much focus on public consciousness that de facto represents a theoretical construct based on the understanding of patterns of formation and historical development of group interpersonal relations, but rather on the public mood that constitutes the thinnest upper layer of such consciousness. The paper shows that it is public mood, which only indirectly reflects the structure of social consciousness and is highly susceptible to opportunistic influences, that determines mass political behavior. Exploring the reasons for the observed shifts today in public mood and political behavior, the author draws attention to such factors as the increasingly complex structure of the modern society, imperfection of the established mechanisms of power, economic turmoil and the growing gap between public consciousness and rapid changes in the conditions of existence.

Keywords: Public consciousness, mood, political behavior, political system, stability, instability, dynamics of development.